

**Отзыв**  
**о диссертационной работе Чибисова Бориса Игоревича**  
**«Этническая картина Новгородской земли в XV веке**  
**(неславянские этнические группы)», представленной**  
**на соискание ученой степени кандидата исторических наук**  
**по специальности 07.00.02 – Отечественная история**

Диссертационное исследование Б.И. Чибисова посвящено неславянским этническим группам Новгородской земли (без Заволочья и «смешных» земель) по данным писцовых книг конца XV в. Автор поставил задачу посредством сплошного просмотра Новгородских писцовых книг конца XV в. выявить топонимы и антропонимы неславянского происхождения и на основании их анализа определить ареалы расселения неславянского населения и пути его миграции. Кроме того, рассматриваются способы инкорпорации неславянского населения в социально-экономическую систему Новгородской земли с целью проследить факторы и механизмы межэтнического взаимодействия (с. 15). Название работы (*«картина расселения этнических групп и этнического взаимодействия»* – С. 24) вполне адекватно отражает ее содержание.

Об этносах Новгородской земли написано много. Новизна подхода, предложенного Б.И. Чибисовым, состоит, прежде всего, в том, что он впервые провел систематическую таксацию зафиксированной писцами прибалтийско-финской антропонимии и топонимии *по погостам*. Это позволяет выделить конкретные группы веси, карелов, ижоры и води, которые сохраняли свой родной язык в конце XV в. Забегая вперед (о методических трудностях будет сказано ниже) можно сказать, что эти наблюдения оказываются *принципиально сопоставимы* с данными этнографов XIX – XX вв. о группах населения, говорящих «по-чудски» и не в полной мере понимающих русскую речь. А коль скоро это так, значит метод, предложенный автором диссертационного исследования, работает.

Научная **актуальность** темы связана с тем, что ассимиляция этносов в Новгородской земле – в отличие от Северо-Восточной Руси – продолжалась на протяжении XIII – XVI вв., то есть в период, освещенный значительным количеством письменных источников. Более того, быт этих этносов был зафиксирован этнографами в XIX – XX вв., а языки сохранились (в большей или меньшей степени) до наших дней и изучены лингвистами. Эти обстоятельства дают возможность проследить (в той мере, в какой это позволяют источники) процессы миграции, метисации, культурной адаптации, формирования антропонимических и топонимических систем и реконструировать модели соответствующих процессов. Данные модели могут быть (в большей или меньшей степени) применены при изучении взаимодействия славянского населения Древней Руси с другими народами, которые оказались в зоне славянской колонизации в раннем Средневековье.



**Источниковая** база диссертационного исследования представляет собой обширный комплекс разнообразных документов. Прежде всего, это Новгородские писцовые книги конца XV в. Обонежской пятины, описанной Ю.Е. Сабуровым в 1495/1496 гг. (сохранилось описание 12 погостов), Водской – Д.В. Китаевым в 1499/1500 г., Бежецкой – В.Г. Наумовым в 1489/1490 г., Шелонской – М.И. Валуевым в 1497/1498 г., Деревской – В.З. Скуратором в 1495/1496 г. Б.И. Чибисов привлекает, наряду с самими текстами описаний, «выписи» из них, сохранившиеся в делах XVI – XVIII вв., а также описания 1563 г. и других лет тех погостов, по которым не сохранилось данных конца XV в. Кроме того Б.И. Чибисов весьма уместно анализирует акты XIV–XV вв., опубликованные в издании «Грамоты Великого Новгорода и Пскова» (М., Л., 1949) и комплекс найденных в ходе раскопок Новгорода «карельских» берестяных грамот для исследования прошлого районов, описанных в писцовых книгах конца XV в. Там, где для реконструкции ситуации XIV – XVI вв. необходимо обратиться к событиям политической и военной истории, исследователь привлекает летописные памятники, выбор которых мотивирован (с. 23 текста диссертации).

**Методы** исследования, лежащие на грани истории и лингвистики, Б.И. Чибисов излагает во введении, 1 главе и в исследовательских главах. Антропонимы (имена и фамильные прозвища) прибалтийско-финского происхождения выделяются им на основании исследований В. Ниссиля, Я. Саарикиви, О.Л. Карловой, И.А. Кюршуновой, а также с учетом фонетических маркеров и формантов. Учитывая, что к концу XV в. широкое распространение среди прибалтийско-финского населения приобрел христианский календарный именослов, автор обращает внимание на случаи, когда календарная русская антропонимия преобразовывалась в соответствии с нормами прибалтийско-финский языков (с. 29 диссертации). Порой карелы и вепсы носили славянские календарные имена, но сохраняли карельские и вепские фамильные прозвища (с. 114). Среди топонимов Б.И. Чибисов обращает внимание на случаи, когда названия восходят к финоязычным географическим терминам (*Кересурья* от *surja* – возвышенность; *Гиемкумба* от *kumbu* – холм, *Корба* от *korbi* – глухой лес – с. 26, 111, 112 диссертации) и анализирует переводные топонимы (кальки), которые свидетельствуют о двуязычии населения<sup>1</sup>. К сожалению, автор диссертационного исследования не делает попыток локального картографирования (на уровне отдельного поселения, волости или по-

---

<sup>1</sup> Топооснова *korbi* – «глухой лес, дебри» (Зайцева Н.Г. Новый вепско-русский словарь. Петрозаводск, 2010. С. 175) фиксируется к востоку от Сергиева Посада в виде гидронима и топонима *Корбуга* с вариантами *Карбуга* *Карбушка* (речка, пруды и загородный двор Лавры на них), который соответствует низменности, покрытой еловыми лесами таежного типа. (Чернов С.З. Исторический ландшафт окрестностей Троице-Сергиева монастыря и его семантика // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1999 г. М., 2000. С. 660 – рис. 5, 667, 690 – прим. 53, 897 – №№ 58 – 58б). Первые поселения возникли в этом районе во второй четверти XIV в., следовательно, в это время еще функционировало как старое финское название речки (*Корбуга*), так и новый славянский местный географический термин с тем же значением (*карбуга*).



госта) топонимов и микротопонимов, упоминаемых в писцовых книгах. Это лишает его возможности проанализировать микротопонимические системы на предмет стадий их формирования<sup>2</sup>. Тем не менее, его вывод о сосуществовании в Корельском уезде славянской и прибалтийско-финской ономастических систем следует признать обоснованным (с. 114 диссертации). Завершая анализ методов, примененных в диссертационном исследовании, следует сказать, что Б.И. Чибисов анализирует тексты писцовых книг, опираясь на серьезную подготовку, что позволяет ему угадывать за лаконичными свидетельствами источника состояние ономастических систем. В работе последовательно проведен принцип изложения антропонимического и топонимического материалов по погостам, что является залогом успеха всего исследования. Однако читателю не всегда легко воспринять этот материал, поскольку прилагаемые карты передают расположение того или иного погоста весьма схематически. При издании работы карты желательно усовершенствовать.

Автор рецензируемой работы понимает методические сложности интерпретации *«картины расселения этнических групп и этнического взаимодействия»* и закономерно задается вопросом о механизмах формирования этнической идентичности. Однако ответы на этот важный вопрос он ищет не совсем там, где они находятся. Б.И. Чибисов анализирует объяснительные модели этнической идентичности, которые содержат традиционные (премордиалистские) представления и представления в духе «воображаемого сообщества» Бенедикта Андерсона (см. 31 – 34 диссертации). Но все эти теоретические конструкты, небезыңтересные для понимания формирования национальных государств XV-XVI в., малопригодны для уяснения особенностей взаимодействия людей разных культур на берегах Ояти или в Заонежских погостах. Значительно больше для понимания механизмов этнической идентичности автор диссертации мог бы почерпнуть из наверняка известного ему, но не использованного коллективного труда о селе Суйсарь расположенного на западном берегу Онежского озера. Проведенный в этой книге анализ письменной и устной истории села, генеалогии ее жителей (с 1563 г.), топонимии, деревянного зодчества, быта, ткачества, иконописи, музыкально-поэтического фольклора и говора приводят авторов к весьма интересным наблюдениям. Это селение, где людиковский диалект карельского языка сохранялся до рубежа XIX-XX вв., рано восприняло русский язык и основные формы культуры русского Заонежья. В XVII в., в связи с переселением карел из Приладожья на берега Онежского озера, происходит рост местного самосознания, которое проявляется во влиянии карельских традиций на русское Заонежье и, неожиданно, конституируется в аккумуляции одних элементов русской культуры (высотные храмы) и архаизации других (сохранение малого числа клейм на житийных иконах). Постепенно в Суйсари карельские черты перестают служить опорой этнического самосознания, но не перестают

---

<sup>2</sup> Соответствующую методику см.: Карпенко Ю.А. Признаки молодости топонимической системы // Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980. С. 48 – 57.



быть акцентами, обогащающими и наполняющими смыслом окружающую среду<sup>3</sup>.

**Структура** диссертации, обусловленная задачами исследования, включает введение, пять глав и заключение. В первой главе рассматриваются методы топонимики и антропонимики в этноисторических исследованиях. Вторая глава посвящена Обонежской пятине (Заонежье, южное Обонежье, Лопь, которая «к Корельской земле потягла»), третья – населению Корельского уезда Водской пятины (северо-западное побережье Ладожского озера), четвертая – Ореховскому, Ладожскому, Копорскому и Ямскому уездам Водской пятины (Приневье и южный берег Финского залива), а пятая – иноязычному населению центральной части Новгородской земли (Ивангород, Старя Русса, Шелонская, Деревская и Бежецкая пятины).

В главе, посвященной **Обонежской пятине**, Б.И. Чибисов сталкивается с наиболее фрагментарным описанием и, тем не менее, достигает весьма впечатляющих результатов. Как уже говорилось, в писцовой книге Ю.К. Сабурова имеется описание всего 12 погостов. Это Шунгский и Толвуйский погосты в северном Заонежье, Вытегорский и Оштинский – на южном берегу Онежского озера. В Нагорной части Обонежья (Юго-восточном Приладожье) описан Веницкий погост на верховьях реки Ояти (один из 10 погостов существовавших на этой реке), погосты Никольский на Пелушах, Егорьев в Колгушах (в верховьях р. Паши), Михайловский в Озерах (в верховьях р. Тихвинки, правого притока р. Сяси) и Михайловский на р. Черной. И, наконец, еще южнее, на Ладожско-Волжском водоразделе, в районе волока с реки Сяси на реку Чагода (приток Мологи) описаны погосты Климецкий в Колбагах на р. Воложке (приток р. Сяси) и погост Готслав волок на верховьях Чагоды.

В Шунгском погосте и в волостке новгородского Вяжищского монастыря в Толвуйском погосте описание 1495/1496 г. фиксирует среди правоспособных мужчин, соответственно, 4,5 и 2,5 % вепских или карельских имен и фамильных прозвищ. Топонимия свидетельствует об освоении прибалтийско-финским населением этой территории и об усвоении славянских населением сложившейся топонимической системы. На этом фоне автору диссертационного исследования удастся по-новому прочесть Мировую грамоту жителей соседнего, Челмужского, погоста с новгородским боярином<sup>4</sup> Григорием Семеновичем и его детьми 1375 г., на основании которой пространство на восточном берегу Онежского озера в южной части этого погоста, между реками Тубой на юге и озерам Томбиче на севере, переходило во владение бояр (с. 71 - 78 диссертации). Загадкой этой грамоты являлось участие со стороны смердов Челмужского, Толвуйского и Шунгского погостов в качестве более высокой инстанции старосты Вымоченского погоста Артемия Ори. Б.И. Чибисову удалось идентифицировать Вымоченский погост грамо-

<sup>3</sup>. Село Суйсарь: история, быт, культура / Отв. ред.: Т.В. Краснопольская, В.П. Орфинский — Петрозаводск: ПетрГУ, 1997. С. 186 – 189.

<sup>4</sup> Обоснование см.: Янин В.Л. Новгородские акты XII-XV вв. Хронологический комментарий, 1991. С. 236 – 244.



ты 1375 г. с Имоченским погостом на нижнем течении р. Ояти в южном Приладожье, в верховьях которой вепское население фиксируется описанием 1495/1496 г. и где вепсы проживают до наших дней. Учитывая вепские прозвища челмужских смердов (Стоивор, Игоча) и самого Артемия, Б.И. Чибисов высказал предположение о том, что жители Челмуского погоста были по своему происхождению вепсами, переселившимися с берегов реки Оять в южном Приладожье. В таком случае становится понятным, почему без участия старосты Имоченского погоста и его "племени" сделка не считалась бы действительной.

Анализируя описание 1495/1496 г по юго-западному берегу Онежского озера (Оштинский погост), а также по верховьям рек Ояти (Веницкий погост) и Паши (Пелушский и Койгушский погосты). Б.И. Чибисов фиксирует вепскую топонимию и отдельные прибалтийско-финские антропонимы в зоне, где в XIX - XX вв. проживали и проживают до наших дней средние (Рыборецкий сельсовет на Оште) и южные (село Винницы на Ояти и др.) вепсы. В ряде случаев автор диссертации совершает экскурсии в более раннее и более позднее время относительно описания конца XV в. К сожалению, он упускает возможность более детально изучить динамику этнических процессов на реке Оять, где располагался Имоченский погост, хотя источники дают для этого определенные возможности.

Как следует из известного описания реки Ояти Ивана Хрущова, опубликованного в 1868 г., на этой реке имелось 10 погостов. На нижнем течении (около 80 км) располагались Введенский Сермакский, Никольский, Имоченский, Гедевический и Соцкий погосты. *"Выше Соцкого погоста, - пишет И.Хрущов, - начинают говорить по-чудски"*. Далее вверх по течению (около 100 км) располагались Ярославичский, Винницкий, Немжинский, Озерский и Лядвинский погосты. Об Озерском погосте Хрущов замечает, что *"бабы не понимают по-русски"*, а об Озерском, что *"жители почти вовсе не понимают по-русски"*. Обращение к писцовой книге 1563 г. дает основания предполагать, что население нижнего течения реки было к тому времени почти полностью русскоязычным. К сожалению, описание Имоченского погоста очень кратко, зато подробно описан погост Сермакс. Прибалтийско-финских антропонимов здесь нет, а из топонимов обращают на себя внимание лишь деревни *"а ныне зовут Карою"* и *"в Мандере"*<sup>5</sup> (родина святого Александра Свирского). Напротив, в Веницком погосте (7-й вверх по течению реки) не менее 15 крестьян имеют прибалтийско-финские имена и фамильные прозвища<sup>6</sup>. И это при том, что об активным воцерковлении (а, следовательно, и о

<sup>5</sup> Писцовые книги Новгородской земли. Т. 2. С. 88, 97.

<sup>6</sup> В 1563 г. Веницкий погост состоял из 6 великокняжеских волосток, которые в период новгородской независимости принадлежали боярам и монастырям. В волостке Онтонова монастыря упоминаются Цыгорко Степанов и Оказко. В волостке Ивановской Широкого Яковлева в деревнях "на Туске" значится Перка Костин да сосед его Пантешка, Игнатко Федоров да брат его Васко Перхин, а в деревне на Шать зере - Васюк Кережа. В волостке Чикусурье значится Самша Иванов. В волостке Курганицы "что была Ивановская Захарьина сына Овинова", писцы упоминают крестьян Орешко Перхина, Михайла да брата его



распространении календарного именослова) населения погоста свидетельствует упоминание о трех церквях, поставленных "вновь" между 1495/1496 и 1563 гг.<sup>7</sup>

Археологические памятники нижней Ояти фиксируют здесь вепское население в X – начале XIII в.<sup>8</sup> На средней Ояти известна лишь одна курганная группа (200 насыпей) в с. Винницы, причем древнейший из курганов датируется по результатам раскопок 1949 г. А.М. Линевского X – началом XI в.<sup>9</sup> Следовательно, широкое освоение вепсами верхнего течения реки и их ассимиляция в нижнем течении имели место на протяжении XIII - XV вв. Благодаря исследованиям автора диссертации удастся уточнить хронологические рамки этого процесса. Установленное Б.И. Чибисовым участие в 1375 г. старосты Имоченского погоста в имущественных сделках жителей Заонежских погостов свидетельствует о том, что в третьей четверти XIV в. вепсы не только сохраняли свое присутствие на нижней Ояти, но и продолжали контролировать свои дочерние погосты в Заонежье.

В отличие от описанных выше территорий, обширные и весьма важные для понимания этнической картины Обонежья пространства не покрыты описанием Ю.К. Сабурова 1495/1496 г. Это Олонецкий погост на восточном берегу Ладожского озера, западный берег Онежского озера, а также его восточный берег от Повенца до Пудожя. Вместо того, чтобы четко обозначить это обстоятельство, Б.И. Чибисов дает общую характеристику расселения вепсов и карел в конце XV в., не дифференцируя надежно установленное присутствие вепсов в северном Заонежье, юго-западном берегу Онежского озера и в верховьях рек Ояти и Паши и гипотетическое, хотя и вероятное, присутствие карел на Олонецком перешейке<sup>10</sup>.

Что касается низовьев Ояти, Паши и Сяси в Юго-Восточном Приладожье, то автор диссертации обращается к сопоставлению пунктов "Обонежского суда князя великого" по Откупной грамоте Якима Гурьева и Матвея Петрева 29.06.1434 г.<sup>11</sup> и перечню погостов в грамоте Святослава Ольговича 1137 г., которые действительно дают много параллелей и позволяют предста-

---

Перха Юрьевых, Мишку да брата его Карпина Перхиных. В волостке Колмова монастыря упоминаются Самук Лукин да сосед его Пянтеж Сидоров да брат его Кирилло ( Писцовые книги Обонежской пятины. Л., 1930. С. 238, 242, 243, 244, 245, 246).

<sup>7</sup> Писцовые книги Обонежской пятины. Л., 1930. С. 238, 241, 245.

<sup>8</sup> Назаренко В.А. Приладожская чужь // Финны в Европе. VI - XV века. Прибалтийско-финские народы. Историко-археологические исследования. Вып. 2. М., 1990. С. 82 - 93. Латшин В.А. Археологическая карта Ленинградской области. Ч. 2. Восточные и северные районы. СПб., 1995. С. 108 – 115.

<sup>9</sup> Латшин В.А. Археологическая карта Ленинградской области. Ч. 2. Восточные и северные районы. СПб., 1995. С. 107.

<sup>10</sup> Просмотр описания Олонецкого погоста по писцовой книге 1563 г. Андрея Лихачева дает всего четыре нерусских антропонима: Рютей Михайлов из д.Вонгино, Сенко да Китко Кипровы из деревни на Олонце реке против Седоксы устья, Кирилло Кипров из д. Калковой наволоки в волостке Новгородских владык (Писцовые книги Обонежской пятины. Л., 1930. С. 61, 68).

<sup>11</sup> В работе грамота датирована 1460 г. - видимо это отпечатка.



вить зоны концентрации податного населения, но не проливают свет на этнические особенности этого края.

В третьей главе работы, посвященной **Корельскому уезду**, исчерпывающий характер описания конца XV в. сочетается с привлечением широкого круга источников – от берестяных грамот до памятников археологии. Подсчеты антропонимов по данным писцовой книги 1499/1500 г. дают 2 - 4% карельских имен и фамильных прозвищ (при 37 - 70% прибалтийско-финских топонимах) для "Передней" и 3 - 7% (при 56 -86% прибалтийско-финских топонимах) - для "Задней" Карелы. Это свидетельствует о далеко зашедшем процессе христианизации и распространении календарных имен. Надежным подтверждением данного вывода Б.И. Чибисова являются наблюдения археологов о распространении на территории Карельского уезда канонического христианского погребения в первой половине XV века (с. 123 диссертации). На этом фоне берестяные грамоты XIV в. поражают обилием карельских имен и подтверждают вывод Б.И. Чибисова о том, что территория Корельского уезда в конце XV в. была населена преимущественно карелами за исключение южного Равдужского погоста (с. 115 диссертации).

Особый интерес представляет раздел работы, посвященный пяти родам "**детей корельских**", вотчины которых располагались на побережье Белого моря по течению рек Выг, Шуя и Кемь а также на Кольском полуострове, по рекам Умбе и Варзуге, где они зафиксированы актами 1460 - 1480-х гг. Б.И. Чибисов установил из каких погостов приладожской Карелии происходили эти роды. В одном из этих погостов (Кирияжском) берестяная грамота 248, которая описывает последствия шведского похода 1396 г., упоминает "*господ Вымалцов*", что свидетельствует о существовании одного из пяти родов карельской знати<sup>12</sup> еще в конце XIV в. Как свидетельствует другая грамота, на реке Выг использование угодий регулировалось "*корельским*" и "*боярским*" годами. Собранные данные, почерпнутые из источников, позволили автору диссертации реконструировать модель включения местной знати в административную и военную ("*рать каянская*") структуру Новгородского государства.

Рассматривая взаимоотношения «детей корельских» с лопью (саамами), Б.И. Чибисов приходит к выводу, что до присоединения Новгорода к Москве представители пяти родов корельских имели определенные prerogatives на сбор дани с саамского населения Беломорского побережья и Кольского полуострова. Этот вывод подтверждается текстом духовной грамоты Ивана III (1504), которая включает в состав Корельской земли (рассматриваемой как часть Новгородской земли) не только «*Корельской город , с волостями, с погосты и со всеми пошлинами*», но и «*со всею с тем, что х Корелской земле потягло и с Лоп(ь)ю и с лешю и с дикою Лопью*»<sup>13</sup>. Автор ана-

<sup>12</sup> Термин применительно к карельским социальным реалиям XIV - XV вв. весьма условный.

<sup>13</sup> Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. М., Л., 1950. . С. 357.



лизирует этот текст лишь в плане локализации зоны расселения саамов (с. 98 диссертации)<sup>14</sup>. Между тем он важен для понимания роли карельской знати в управлении этими территориями в конце XV в.

Следует добавить, что тема землевладельцев прибалтийско-финского происхождения в рецензируемой работе далеко не исчерпана. Так, Б.И. Чибисов обратил внимание на то, что в описании города Корелы 1500 г. трое *Рокульских*, то есть представители одного из рода «детей корельских», названы «своеземцами корельскими» (с. 109 диссертации). Однако исследователем не был поставлен вопрос о том, какие социальные реалии стоят за понятием «своеземцы», широко используемым писцами конца XV в. Между тем, среди «своеземцев» - мелких землевладельцев местного происхождения – которые фиксируются в целом ряде погостов – могли стоять люди с карельскими, вепсскими, ижорскими и водскими корнями.

Обращаясь в 4 главе к территории **Водской пятины**, Б.И. Чибисов вступает в пределы Ингерманландии, где в период шведской юрисдикции (1617 – 1704)<sup>15</sup> были расселены фины-савакаты и эвреймы, населявшие некогда западную часть Кольского перешейка, что в сочетании с уходом части населения в Россию привело к сокращению ижорского и водского этносов<sup>16</sup>.

Эти исторические обстоятельства делают особенно ценными подсчеты антропонимов и топонимов ижорского и водского происхождения в погостах Ореховского, Ладожского, Копорского и Ямского уездов по данным описания Д.В. Китаева в 1499/1500 г. Они дают к северу от р. Невы (Корбосельский и Куйвашский погосты) 3 - 7% прибалтийско-финских имен и фамильных прозвищ при 24 - 37% прибалтийско-финских топонимах, а для Южного Приневья (Лопский, Ярвасольский, Ижорский, Дудоровский погосты) 2,5 – 8,5 % имен и фамильных прозвищ при 30 - 47% прибалтийско-финских топонимах. Эти данные фиксируют исконные зоны расселения ижорского этноса, потомки которого в настоящее время проживают западнее, на исторических землях води (р. Хэваха в районе г. Сосновый Бор, на полуострове Сойкола и в низовьях р. Луги).

В описании 1499/1500 г. Копорского и Ямского уездов автором рецензируемой работы антропонимы и топонимы прибалтийско-финского происхождения выделены в «Чудских погостах» - Толдожском (при впадении Луги в Финский залив) и Каргальском (на полуострове Сойкола) ( 20 и 13% антро-

---

<sup>14</sup> Известие Новгородской IV летописи под 1526 г. о том, что к Василию III приезжали «Поморцы и Лоплени с моря окяна, ис Кандолжской губе, усть Невы реки» (ПСРЛ. Т. IV, Ч. 2.Д., 1925. С. 542) автор диссертационного исследования трактует таким образом, что «среди мест, где проживает лопь, упомянуты Кандалакша (т.е. юго-западное побережье Кольского полуострова) и устье реки Невы» (с. 98 диссертации). Между тем в летописи речь идет о реке Нива, которая впадает в Белое море у Кандалакши.

<sup>15</sup> См.: Селин А. Русско-шведская граница (1617 – 1700 гг.). Формирование, функционирование, наследие. Исторические очерки. СПб., 2016.

<sup>16</sup> 1732 году в Ингерманландии проживало 58 979 крестьян, из которых 22 986 были лютеранами - савакатами и эврейцами, 14 511 – православными ижорцами, 5 883 -русскими старожилами и 10 457 «переведенцами» из России.



понимов при 19 и 21 % топонимов), а также на прилегающих территориях в районе Копорья, Опольского погоста и на левом берегу р. Луги, в Шелонской пятине. Эти данные подтверждаются перечнями погостов «в чуди» и «в ижоре» грамот новгородских архиепископов Макария и Феодосия 1534 и 1548 гг. Полученная картина распространения водского населения («в чуди») не противоречат существующим представлениям о том, что на лежащем южнее Ижорском плато, интенсивно осваивавшемся земледельческим населением в XIII - XIV вв., к XV в. «полностью возобладал славянский этнолингвистический элемент»<sup>17</sup>.

Глава 5, посвященная присутствию неславянского населения в Центральных пятинах Новгородской земли, вносит новые и интересные элементы в рецензируемую работу. Состав пришлого населения процветавшей в XV в. Русы и нового военного форпоста Московского государства на Балтике Ивангорода, демонстрирует формы этнической мобильности (следы пребывания дворов литовских кормленщиков в новгородских пригородах, мобилизация населения Псковской земли и центральных русских уездов в Ивангороде).

В заключении изложены основные выводы работы. Читатель получает ясное представление о районах, в которых в конце XV в. значительную роль играло население, сохранявшее язык и топонимические традиции вепсов, карел, ижоры и води. Порой избыточная критичность автора диссертации по отношению к своему источнику проявляется в стилистически неточных формулировках. Так «*ярко выраженный полиэтнический характер*» был свойственен, конечно, Обонежской и Водской пятинам Новгородской земли, а не всей ее территории, а «*тюркские народы*» были представлены лишь в виде крещеных татар (см. с. 210 диссертации). В целом выводы, сделанные в заключении, не вызывают сомнений и соответствуют целям и задачам исследования, поставленным во Введении.

Работа снабжена двенадцатью приложениями – историческими картами новгородских пятин, на которых условными знаками показаны данные по прибалтийско-финской ойконимии и ономастике.

Представленная Б.И. Чибисовым работа является самостоятельным и оригинальным исследованием, впервые предпринятым в отечественной историографии. Выдвинутые автором утверждения находят подтверждение на страницах привлеченных источников и не вызывают сомнений, а выводы заслуживают доверия. Б.И. Чибисовым был проанализирован обширный материал, содержащийся в первоисточниках и литературе по теме диссертации. Основные результаты и выводы работы убедительно аргументированы.

---

<sup>17</sup> Рябинин Е.А. Водь // Финны в Европе. VI - XV века. Прибалтийско-финские народы. Историко-археологические исследования. Вып. 2. М., 1990. С. 27. Этим выводам не противоречат результаты новейшего микрорегионального исследования расселения восточного склона Ижорского плато: Стасюк И.В. Средневековое расселение восточных погостов Копорского уезда Водской пятины. XII – первая четверть XVII вв. 2012 (<http://www.gatchina.org/history/116/>. Обращение 09.09.2018).

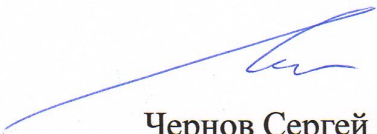


Хотелось бы особо подчеркнуть, что диссертация Б.И. Чибисова создает надежную базу для новых исследований механизмов этносоциального и этнокультурного взаимодействия в Новгородской земле и шире – в северной части Древнерусского государства.

Основные положения диссертации изложены автором в семи научных публикациях, общий объем которых составляет 4,1 а. л., в том числе в четырех публикациях в изданиях, включенных в Перечень рецензируемых журналов и изданий, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки. Они были апробированы в докладах на научных конференциях: международной конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси» (Москва, 15–18 сентября 2015 г. и 11–15 сентября 2017 г.), XXIII международном научном форуме «Ломоносов – 2016» (Москва, 11–15 апреля 2016 г.), международной конференции «Поляковские чтения» (Самара, 15–17 сентября 2016 г.), IX международной научно-богословской конференции Санкт-Петербургской Духовной Академии (Санкт-Петербург, 28–29 сентября 2017 г.), XI конгрессе антропологов и этнологов России (Екатеринбург, 2–5 июля 2015 г.), семинаре молодых исследователей-медиевистов ИРИ РАН (Москва, 26 января 2017 г.), межвузовской конференции «Исторические исследования в образовательном пространстве Тверского региона» (Тверь, 20 апреля 2017 г.), а также на заседаниях Центра по истории Древней Руси ИРИ РАН.

Исходя из всего вышесказанного, диссертационная работа Б.И. Чибисова полностью соответствует специальности 07.00.02 – Отечественная история и требованиям пп. 9-11, 13-14 Постановления Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, в редакции от 29.05.2017 г. «О порядке присуждения ученых степеней» с изменениями и дополнениями, а её автор заслуживает присуждения искомой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 □ Отечественная история.

Доктор исторических наук,  
ведущий научный сотрудник  
Отдела археологии Московской Руси  
Федерального государственного  
бюджетного учреждения науки  
Институт археологии  
Российской академии наук

  
Чернов Сергей Заремович

117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19  
E-mail: chernovs@sumail.ru  
Телефон: +7 (499) 126-47-98

09 сентября 2018 г.

  
**Подпись руки**  
**ЗАВЕРЯЮ**  
Ст. инспектор по ка.



